

ПРОЛОГ ■

Темнеет, и маленькой девочке холодно. День был такой славный — огни, и костюмы, и фейерверк, похожий на звездопад... Все было просто волшебно, как в сказке, но теперь все разрушено, все пошло не так. Она поднимает глаза и смотрит вверх, сквозь ветви деревьев, которые, кажется, смыкаются у нее над головой. Совсем не похоже на «Белоснежку» или «Спящую красавицу». Нет никакого принца, никакого спасителя на белом коне. Только темное небо и чудовища, прячущиеся в тенях. В подлеске ей слышатся шумы, шуршание мелких животных и что-то более громоздкое, приближающееся шаг за шагом. Девочка вытирает щеки, но слезы никуда не исчезают, и ей изо всех сил хочется быть такой же, как героиня «Храбрый сердцем». Уж тогда она не боялась бы в лесу в полном одиночестве... Но Дейзи боится.

Она действительно очень испугана.

— Дейзи, — слышится голос. — Дейзи, ты где?

Теперь шаги раздаются ближе, и в голосе слышатся сердитые нотки:

— От меня тебе не спрятаться. Я тебя найду. Ты же это понимаешь Дейзи, да? *Я тебя найду.*

* * *

Прежде чем начать, я скажу вам вот что — это вам не понравится, но, поверьте, я сталкивался с этим столько раз, что уже устал считать. В таких случаях — с ребенком — в девяти случаях из десяти это кто-то из своих. Член семьи, друг, сосед или кто-то из местных. И не забывайте это. Насколько безумным это ни выглядело бы, насколько невероятным ни казалось, люди знают, кто это сделал. Может быть, подсознательно. А может быть, они об этом просто еще не догадываются. Но они знают.

Они все знают.

* * *

20 июля 2016 года,

02 часа 05 минут

Поселок «Поместье у канала», Оксфорд

Говорят, что люди, покупающие дом, принимают решение в первые тридцать секунд после того, как заходят в него. Поверьте мне на слово, офицеру полиции для этого надо меньше десяти. Вообще-то многие из нас решают всё задолго до того, как переступают порог. Только решения наши касаются людей, а не недвижимости. Так что когда мы подъехали к дому № 5 по Барж-клоуз, я уже имел представление о том, что нас ожидает. Раньше такие дома называли «домами бизнес-класса». Может быть, их так и продолжают называть — не знаю. У них

есть деньги, у владельцев таких домов, но не так много, как им хотелось бы, иначе они купили бы себе реальный дом в викторианском¹ стиле, а не эту подделку в вульгарном новострое на неправильном берегу канала. Дом построен из такого же красного кирпича, в нем такие же эркеры, но сад маленький, а гараж просто огромный — в общем, он мало чем отличается от откровенной «липы».

Фигура полицейского в форме у входной двери говорит о том, что семья уже сама обыскала дом и сад. Вы не поверите, как часто мы находим детишек под кроватями или в шкафах. Они не потерялись — просто прячутся. Правда, у большинства этих историй конец все равно печальный. Но, кажется, это не наш случай. Дежурный инспектор, разбудивший меня час назад, сказал:

— Знаю, что при других обстоятельствах мы не стали бы звонить вам в такую рань, но сейчас поздняя ночь, ребенок совсем маленький, и все это дурно пахнет. Семья устроила вечеринку, так что ее стали искать задолго до того, как позвонили нам. И я решил: пусть то, что вы разозлитесь, будет нашей самой большой проблемой на сегодня.

Но, в общем-то, это не так. То есть я не разозлился. Честно говоря, на его месте я поступил бы точно так же.

— Боюсь, что на заднем дворе полный кошмар, сэр, — сообщает констебль у двери. — Народ ураганил всю ночь. Везде остатки салюта... Не знаю, как криминалистам удастся все это разгрести.

«Отлично, — думаю я. — Просто фантастическая хрень!»

Крис Гислингхэм звонит в дверь, и мы замираем в ожидании на пороге. Крис нервно переминается с но-

¹ Общий термин в англоязычных странах для обозначения всего многообразия разновидностей эклектического ретроспективизма, распространенных в викторианскую эпоху (1837–1901). Доминирующим направлением этого периода в Британской империи была неоготика.

ги на ногу. Не важно, какой по счету раз вы это делаете — привыкнуть к этому невозможно. А если привыкаешь, то пора уходить на покой. Я делаю несколько последних затяжек и осматриваю окрестности. Несмотря на то что сейчас два часа ночи, практически во всех домах горит свет и на верхних этажах некоторых из них видны люди. На поросшей жиденькой травой со следами велосипедных шин обочине припаркованы две патрульные машины с включенными мигалками, и пара усталых констеблей пытаются сдерживать зевак на приличном расстоянии. Еще человек пять полицейских видны на ступенях соседних домов, где они общаются с соседями. Но вот входная дверь открывается, и я разворачиваюсь в ее сторону.

— Миссис Мэйсон?

Она массивнее, чем я ожидал. Щеки уже округлились, а ведь ей — сколько? — не больше тридцати пяти. Под кардиганом виднеется вечернее платье с американской проймой¹ и леопардовым принтом тускло-оранжевого цвета, совсем неподходящим к цвету ее волос. Она оглядывает улицу, а потом плотнее запахивает кардиган. Правда, погоду трудно назвать холодной — днем было девяносто градусов².

— Я — детектив-инспектор Адам Фаули. Вы позволите войти? — спрашиваю я.

— Только снимите обувь. Ковер только что почистили, — сообщает хозяйка.

Никогда не понимал людей, которые покупают ковры кремового цвета, особенно когда у них есть дети, но сейчас не до споров. Поэтому мы сгибаемся, как пара школьников, и развязываем шнурки. Гислингхэм бросает на меня быстрый взгляд — около входной двери прибиты крючки для одежды с именами членов семьи.

¹Пройма топа, блузки или платья без рукавов, вырезанная по диагонали от подмышек до горловины (примерно по линии реглана), оставляющая плечи открытыми.

²По Фаренгейту. Около 32 градусов по Цельсию.

Под ними в ряд выстроена обувь. По размеру. И по цвету. Боже!

Удивительно, как тот факт, что вы сняли обувь, влияет на ваше самосознание. То, что я остаюсь в одних носках, превращает меня в зеленого новичка. Не самое лучшее начало.

Арка соединяет гостиную и кухню с баром для завтраков. Там находятся несколько женщин, которые перешептываются и суетятся вокруг чайника — их макияж выглядит унылым в немигающем неоновом свете. Члены семьи уселись на краю дивана, слишком большого для помещения гостиной. Барри Мэйсон, Шэрон и мальчик Лео. Ребенок сидит, уставившись глазами в пол, Шэрон пристально смотрит на меня, а взгляд Барри блуждает по помещению. Выглядит он как настоящий «папа-хипстер» — штаны-карго¹, немного слишком торчащие волосы, немного слишком кричащая рубашка, выпущенная наружу, — в тридцать пять лет такой внешний вид, может быть, и уместен, но по его седине я понимаю, что он на добрые десять лет старше своей жены. Которая, очевидно, отвечает в этом доме за покупку штанов.

Когда пропадает ребенок, человек испытывает бурю эмоций. Гнев, панику, отказ смириться со случившимся, вину... Все это я уже видел — или по отдельности, или в различных комбинациях. Но выражение, которое застыло сейчас на лице Барри Мэйсона, мне еще не встречалось. Я не могу его определить. Что же касается Шэрон, то ее кулаки так сильно сжаты, что костяшки побелели.

Я сажусь. Гислингхэм остается стоять. Думаю, он боится, что мебель может не выдержать его веса. Крис оттягивает ворот рубашки в надежде, что никто этого не заметит.

¹ Для данного предмета одежды характерен прямой крой. Штаны-карго держатся на бедрах, могут быть расклешенными. Данный вид брюк не предполагает наличие стрелок. Главной отличительной чертой является большое количество карманов.

— Миссис Мэйсон, мистер Мэйсон, — начинаю я. — Понимаю, что сейчас вам нелегко, но нам необходимо собрать как можно больше информации. Думаю, что вам это уже известно, но первые несколько часов действительно решающие — чем больше мы узнаем, тем выше будут шансы найти Дейзи живой и невредимой.

— Не знаю, что еще мы можем вам рассказать. — Шэрон Мэйсон тянет за торчащую нитку на своем кардигане. — Мы уже всё рассказали другому офицеру...

— Знаю, но, может быть, вы согласитесь рассказать еще раз... Вы сказали, что сегодня, как всегда, Дейзи была в школе, а потом оставалась дома до начала вечеринки. Она не выходила на улицу поиграть?

— Нет. Она была в своей комнате наверху.

— А эта вечеринка — вы можете сказать, кто на ней присутствовал?

— Соседи. — Шэрон смотрит на меня, а потом на своего мужа. — Школьные друзья детей, их родители...

То есть друзья ее детей. А не ее собственные. Или их с мужем.

— И сколько же всего? Человек сорок? — предполагаю я. — Я не сильно ошибся?

— Ну не так много... — Женщина хмурится. — У меня есть список.

— Это нам очень поможет. Прошу вас передать его детективу-констеблю Гислингхэму.

Мой коллега на мгновение отрывается от своего блокнота.

— А когда точно вы в последний раз видели Дейзи?

Барри Мэйсон пока не сказал ни слова. Я даже не уверен, слышит ли он меня. В руках у него игрушечная собачка, которую он крутит не переставая. Я знаю, что дело тут в стрессе, но на нервы это действует здорово, как будто он пытается свернуть ей шею.

— Мистер Мэйсон? — окликаю я хозяина.

— Без понятия, — неясно произносит тот, сморгнув. — Может, часов около одиннадцати? Здесь все так

перемешалось... Столько всего происходило... Сами понимаете — столько народу...

— Но то, что девочка пропала, вы поняли в полночь?

— Мы решили, что детям пора спать. Гости начали расходиться. Однако мы не могли ее найти. Искали везде. Позвонили всем, кто мог прийти в голову. Моя маленькая девочка, моя красавица...

Мужчина начинает плакать. Мне до сих пор трудно с этим справиться. То есть когда мужчины плачут. Я поворачиваюсь к Шэрон.

— Миссис Мэйсон, а вы что можете сказать? Когда вы в последний раз видели дочь? До или после салюта?

— Кажется, до. — Хозяйка неожиданно начинает дрожать.

— А когда он начался?

— В десять. Как только стемнело. Мы не хотели делать его слишком поздно. Можно влипнуть в историю. На вас могут пожаловаться в муниципалитет.

— Значит, последний раз вы видели Дейзи перед салютом. Во дворе или в доме?

— В саду. — Женщина колеблется и хмурится. — Она все время мелькала перед глазами. Настоящая царица бала.

На мгновение я задумываюсь, когда в последний раз слышал эту фразу.

— Дейзи была весела? Как по-вашему, ее ничего не беспокоило?

— Нет, ничего. Она восхитительно проводила время. Смеялась. Танцевала под музыку. Как любая другая девочка.

Я смотрю на брата пропавшей, заинтересованный его реакцией. Но ее нет. Он сидит на удивление неподвижно. И о чем-то думает.

— А ты когда в последний раз видел Дейзи, Лео?

Мальчик пожимает плечами. Он не знает.

— Я следил за салютом.

— Тебе нравится салют? — Я улыбаюсь ему.

Он кивает, но не смотрит мне в глаза.

— А знаешь, мне тоже.

Лео поднимает глаза, и в них мелькает подобие взаимопонимания, но потом его голова вновь опускается, и он начинает водить ногой по ковру, рисуя круги в густом ворсе. Шэрон протягивает руку и дотрагивается до его ноги. Та останавливается.

— Как я понимаю, боковая калитка в сад была открыта? — Я вновь поворачиваюсь к Барри.

Тот откидывается назад — и неожиданно переходит к обороне. Громко шмыгнув носом, вытирает его рукой.

— Не будешь же бегать к воротам каждые пять минут, чтобы открыть их, правда? Так людям легче проходить. И меньше грязи в доме. — Мэйсон смотрит на жену.

— Конечно, — соглашаюсь я. — Как я вижу, сад выходит на канал. А есть ли у вас калитка, выходящая на бечевник?¹

— Ни за что. — Барри качает головой. — Муниципалитет не разрешает. Но он никак не мог пройти оттуда.

— Он?

— Кто бы это ни был. — Хозяин дома опять отводит глаза. — Ублюдок, который забрал ее. Забрал мою Дейзи.

Я записываю слово «мою» в блокнот и ставлю возле него знак вопроса.

— Но на самом деле *мужчины* вы не видели?

— Нет, я никого не видел. — Отец глубоко вздыхает, и его вздох переходит во всхлипывания, а из глаз вновь текут слезы.

Я начинаю рыться в бумагах.

— Тут у меня фото Дейзи, которое вы передали сержанту Дэвису. А как она была одета?

Пауза.

¹ Бечевник — сухопутная дорога вдоль берега водного пути (реки или канала), предназначенная для буксирования людьми (бурлаками) или лошадьми судов на канате (обычно несамоходных барж), называемом бечевой или бичевой.

— Это был маскарадный костюм. Такой детский, — произносит наконец Шэрон. — Мы решили, что это будет мило. Она была одета в соответствии со своим именем¹.

— Простите, я не совсем...

— Ну маргаритка. Она была одета маргариткой.

Я чувствую реакцию Гислингхэма, но не позволяю себе посмотреть на него.

— Понимаю. Значит, она была...

— В зеленой юбке, зеленых колготках и туфельках. А на голове — шапочка с белыми лепестками и желтой серединкой. Мы взяли этот наряд в магазине на Фонтон-вер-стрит. Его аренда стоила целое состояние. Нам пришлось оставить депозит.

Миссис Мэйсон начинает запинаться. Затем, задыхаясь, сжимает руку в кулак и прикладывает ее ко рту. Плечи у нее дрожат. Барри протягивает руку и обнимает ее. Женщина скулит, раскачивается вперед-назад и говорит мужу, что она не виновата, что она не знала, и он начинает гладить ее по волосам.

В комнате вновь повисает тишина. Неожиданно Лео наклоняется вперед и соскальзывает с дивана. Такое впечатление, что одежда ему слегка великовата — руки практически полностью скрыты рукавами. Он подходит ко мне и протягивает свой телефон. На экране — кадр из видео. Кадр, на котором Дейзи стоит в своем костюме маргаритки. Она, без сомнения, очень красивый ребенок. Я нажимаю кнопку «воспроизведение» и секунд пятнадцать наблюдаю, как она танцует перед камерой. Девочка вся светится от уверенности в себе и от полноты жизни — это сияние можно заметить даже на двухдюймовом экране. Когда видео заканчивается, я проверяю дату — снято всего три дня назад. Наша первая удача. Не часто нам удается получить такую свежую информацию.

¹Daisy (англ.) — маргаритка.